

Владимир ГАНДЕЛЬСМАН

ХАРЬКОВСКАЯ ТРИЛОГИЯ

Посвящается Ирине Черняховской

сарай

мне поручили охранять сарай...
Ю. К.

тяжёлые дубовые ворота –
их открывают только в дни, когда
хоронят – (мебель не вывозят
и не привозят – покупают раз
и навсегда) – дубовая калитка
добротная – и двор – дома квадратом –
и – поперёк – дощатые сараи,
гордящиеся ладностью дверей –
там пролетают два дошкольных года –
сочащееся солнце из щелей –
лучи с мерцающей в них пылью –

ещё – что ни секунда – я рождаюсь –
и нет страданий или поводка
поэзии живописать страдания
(беду не приближая к сердцу,
а то и вовсе равнодушно их
писать) – и дышится легко,
и таинство вершится детства –

сарай! – кажется, что свет внутри –
из читанных мне на ночь сказок –
то крошка Цахес, то Мышиный
король семиголовый по углам
мерещатся – и дрожь внутри,
похожая на имя Дроссельмейер –

Владимир Гандельсман родился в 1948 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский электротехнический институт. Автор более 20 книг, многочисленных публикаций в журналах («Знамя», «Новый мир», «Звезда», «Дружба народов», «Урал», «Интерпоэзия», «Волга» и др.), а также переводов (Льюис Кэрролл, Эмили Дикинсон, У. Х. Оден и др.), Лауреат «Русской премии» (2008), премии «Anthologia» (2012), премии журнала «Интерпоэзия» (2014). Живет в Нью-Йорке и Санкт-Петербурге.

скажи мне кто-нибудь в ту пору,
что жизнь конечна – ничего
не только бы не понял – не услышал –

в том Харькове у тётушки моей
и дядюшки висит в сарае шкаф
с инвентарём – о скупа! – плоскогубцы,
напильник... – рядом детская коляска –
кто упорхнул отсюда? – и всегда
одна калоша под велосипедом –

нет, я люблю соседские сараи! –
у дяди Коли фотоаппараты,
штативы, ванночки, футляры, линзы,
колёсики – фотограф-летописец
картошку жареную с простоквашей
ест и зовёт меня, и угощает –
а тётя Шура на веранде тесто
раскатывает – вот, смотри, как надо
раскатывать и как лепить края
вареников! – и я смотрю, смотрю –

смотрю – как все по-разному живут –

в сарае тёти Лиды по-другому –
она с Ивановной свой делит дом
и свой сарай –

Ивановна прислуживает в храме –
квартира аскетична и чиста –
кровать, застеленная насмерть –
подушки белоснежной горкой –
и белоснежна вышивка на них –
на Троицу пахучая трава
разбросана по полу – в церкви свечи
раскладывает, натирает
подсвечники – а иногда
берёт меня с собой – в квартире
на стенах забелённые следы
от пуль – в войну какой-то немец
пугал и заставлял её
пить молоко, когда она постилась –
Ивановна же говорила: «Ні» –
и он отстал –

в сарае у неё горшки
для куличей, тазы... – всё безупречно,
стерильно, прибрано, всё – благодать –

на половине тёти Лиды – стопки
мешков, какие-то верёвки, барахло
с завода – «быть» убито в слово «быт» –
безмужняя, она родит Олесю –
(а тётушка и дядюшка мои
ей детскую коляску отдадут) –
та подрастёт, и тётя Лида ей
с завода парашютный шёлк притащит
и платье ей сошьёт – и та, кружась,
легчайшая, почти взлетит –
и будет у обеих счастье –

но это позже, без меня –

ещё не всё – напротив – через двор –
Марья Петровна с дочерью – в их доме –
громоздкие торжественные лампы
и бархатом обита мебель –

их нет на фотоснимках дяди Коли –
на задохнувшихся, белёсых, стёртых,
хранящих отраженье тех,
кого ничто уже не отражает –

они за общий не садятся стол,
который накрывают во дворе
по праздникам – горды и неприступны,
гостей не принимают, и меня
не угощают никогда – но странно! –

их, сломанную мебелью набитый,
торшерами и сундуками,
я так люблю их чёртовый сарай –
кресло-качалка – я сажусь и ставлю ноги
на мягкую скамеечку под ним –
она материей обшита, вата
торчит из дыр – я втискиваю вату внутрь –

мне хочется там говорить – как странно! –

и я впервые говорю – да, там
я сам с собою говорю впервые –

и вот последний на сегодня дом –
он тоже надвое поделен –
мать, дочь и дочери
немолодая дочь – всё сведено
к тому, чтоб младшенькую выдать замуж –

сарай их пуст – заржавленные вёдра –
и это всё –

другая половина – тётя Поля
и сын её – с застенчивой улыбкой
нежнейший Павлик – он слегка косит –
он математик – почему-то их –
(я в том числе) – жалеют все – и эта –
моя – опять впервые! – жалость –

сарай их... – я не помню в нём вещей –
но помню: ни к чему
не прикасаюсь – там нельзя нарушить
безукоризненный порядок – там я тих –
сарай, где даже паутины нет –
высокий есть порог – на нём сижу
и вижу вертикальный свет... –

когда я о повешенных читал
Андреева – лет через семь – на даче
в Лисьем Носу – (не ведая, что тех,
с кого лепились образы, казнили
именно там) – увидел из окна
калошу в луже и обрывок
верёвки... бельевой вполне... –

то был дождливый день, зато назавтра
светило солнце, как светило там,
где грудятся дощатые сараи,
дома квадратом и куда ни глянь –
куда ни глянь – натянута верёвка –
и на ветру полощется бельё,
как флаги бесконечной жизни –

пир

пирушки наши завещанья...
Б. П.

узенький, тенистый
Добсвідний переулок –

с пульсирующей школой,
громоздкой и ему несоразмерной, –
крик детей,
звонёк, смех, гомон, смех, и всё –

всё замирает и пустеет
с началом лета –
по обе стóроны парадного крыльца
ступени – мрамор – окна широки
и высокí –

всё замедляется, и умирает пульс –
и школа в мертвенном стоит величье –
вдруг-тишина – и наступает

пора цветов –

пионы вроде морд бишо́нов,
надушенных в цирюльне, –

промотавшиеся графья́
с тонкими горлышками –
трубчатый табак, –

конусы лиловые
резной сирени, –

распашные
лодки листьев акации –

и оркестр граммофончиков,
облепивших террасу,
синих с тонущими в растрúбе
белёсыми подпалинами, –

мальчик лет шести –
неведомый себе посредник
между богами и людьми –
он в переулке –

узенький, тенистый
Дóсвідний переулок –

войти во двор и замереть у клумбы –
он соглядатай, но когда-нибудь –
истолкователь ба́рхатцев и астр –

в зелёный аромат
лип, клёнов, тополей
вплетается съедобный запах –

(и первой жизни остриё –
трав и земли вдыхание твоё –
вонзается, как быстрое копьё) –

открыты окна – окна нараспашку –
«я, Верочка, возьму
солёных помидорчиков, приехал
Павлушечка» –

ласкательные ечк, и чик, и очк –
не в долг берут, задаром – здесь царят
радушие и щедрость –

здесь на заднем
дворе у каждого семь грядок –

а рынок Благовещенский! – ряды,
ряды, ряды – клубника, вишня,
антоновские яблоки и хруст –
такого хруста нет на белом свете –

ещё творог –
мягчайший, влажный –
лежит куском –
он под ножом подвижный –

густейшая сметана в вёдрах,
прикрытых марлей, масло всех оттенков –
от тёмно-жёлтого до светлого –
и молоко – с коричневою корочкой –
топлёное – и продавцы –
их нарукавники, передники – и смачно
и сочно! –

если во вторую жизнь
вернусь слепцом, я вход в неё
на нюх найду, на ощупь
по головам клубники –

погреб – мальчик, где ты? – погреб –
кирпичный пол и тусклый свет –
и бочки, бочки –
капуста, помидоры, огурцы –
всё крышкой – (не впритирку к бочке) –
прикрыто – сверху камень – и рассол

пьянящий – с травами, и чесноком,
и листьями смородины –

спускаешься и миской
зачерпываешь с хлюпом
соленья –

вот тётя Вера (тётушка моя)
из теста нарезает тонкие
полоски и кладёт на холст сушить –

«ты шевели лапшу» – я шевелю,
чтобы она не пересохла, –

а маковый пирог –
перетирание
в макитре мака –
так долго тянется, как если б зёрна
перетирались времени – и тётушка поёт –

(она курила «Беломор» – я слышу
чуть с хрипотцою низкий голос) –

опара – тётушка не раз
встаёт её «подбить» – ночное
священнодействие – наутро – тесто –
вот снято полотенце –

так пахнет счастье –
так ноздрится,
приправлено изюмом и цукатом, –

несут – кто фаршированные перцы,
кто синенькие,
кто огромную бутылъ
с густой тёмно-вишнёвою наливкой –

сдвигаются столы –
последней тётя Шура –
сию секунду снятую с огня –
несёт картошку –

мой дядя Женя говорит: «к достойным
на пир идёт без приглашенья
достойный», –

а чуть позже он поёт
о перелётных птицах – в жарки страны
они летят – о том, что остаюсь
с тобой, родная сторона, – о том,
что ни чужое солнце, ни земля
чужая не нужны, –

и сердце бьётся
сильней у тётя Веры, – и от песни

такие слёзы катятся, каких
я больше никогда не видел, –
день
освобождения Харькова –
день двадцать третий –
август –

Сумская

Я посетил тебя, пленительная сень...
Евг. Баратынский

я иду каштановой аллеей –

и цветут высокими свечами
кроны, источая запах спермы по ночам, и
он проложен клеверным – то розовее, то белее –
запахом, – и каждая скамейка
помнит стоны... –

я иду каштановой аллеей –

и тележка с газированной водой –
и стеклянных два цилиндра – в них сироп – и мойка
для стакана – с быстрым брызгом изнутри –

поднесёшь стакан ко рту –
лицо всё в капельках, – и крик: «эй, молодой,
дай копеечку!» –

с каштанов осенью – смотри! –
падают с прищёлком каблучковым
лаковые ядра-кулачки –

притяжение памяти, её прирост,
искривит пространство так, что я иду
здесь, в сию секунду перекинув Млечный мост
из секунды в шестьдесят шестом году, –

не аллея – храм – вечор и днесь –
шахматисты под широкополой шляпой тени
в дырах света – мреющая над мозгами взвесь
хищных замыслов или смятений, –
а в дебюте глаз их переблески –
Фёрзевый гамбит? – нет, Королевский! –

на Брежаловке футбольные болельщики –
то ли плещутся подлещики-подельщики, –

то ли колыхаются, как водоросли –
я иду на запах ли, на голос ли –

патлы мальчиков и девочкины плечики –

друг мой физик – кличка Шарлатан –
мямлит (он влюблён!): «тоскую...» –

мать его – красавица – дородный стан –
Лиля входит в комнату – в ней уйма удали! –
«тю! – смеётся, – мигом на Сумскую!
я дивчиною кохалася без усталы,
а теперь мне кажется, что мало!» –

я тебя, простую,
пышногрудая красавица, рисую! –

божество любви свой путь торит –
наэлектризованная жизнь искрит,
как пантографы троллейбуса, – летит герла в обновке
через город на Стекланную Струю –

«вы встаёте, – говорит, – на остановке? –
да, встаю» –

белые ажурные колготки, мини-
юбка – (чуть за дверь – переделася,
чтоб не видел папенька) – балетки – боже, этих линий –
омывает сердце кровь – сквозная прелесть! –

нет, не очи жгучие и страстные,
нет, послушайте –

Лёша Пугачев с подхрипом: «красные –
помидоры – (под гитару) – кушайте
без меня...» – поёт стихи украинного
счетовода из депо трамвайного, –

то у «памятникшевченко» встречи,
в «Автомате-Пулемёте» пирожки слоёные –
крошки сыпятся, – то кофе с коньяком и речи,
речи, речи, рифмой окрылённые, –

то фланируют – кто по Бродвею (правая
сторона Сумской), кто по Гуляй-
Штрассе (левая) – уже грохочет слава
Кривошея – он – сверхпроводимый, через край
плещущий – великий химик, комик –
Мотрич, Димс, Чурилов, Кадя –

хаос динамический – под мышкой томик –
он стихи читает в «Затишке», в застольном чаде, –

то вокзал – вокал бесщётных окон, –
кто не знает пересадок
в Харькове? – прищурюсь – как далёк он! –
весь – платформа с головы до пяток –

как изысканно живёт в тебе отвесная
тихая тревога предотъездная... –

то срываются куда глаза глядят капризники –
то являются живые призраки –

буги-вуги, узенькие брючки, вот я – зримый,
фиолетовый, с замороженных дрожек,
я не серый, я неповторимый,
я хочу быть лошастью, я Мрожек –

то несётся Голубая Лошадь по Сумской –
это из пятидесятих – Господи, их душу упокой! –

газировка – я иду каштановой – вечер и днесь –
пять копеек и двойной сироп «дюшес»
цвета солнца, вкуса груши, – Шарлатан,
постоим, переминаясь,
подождём, пока ополоснут стакан.